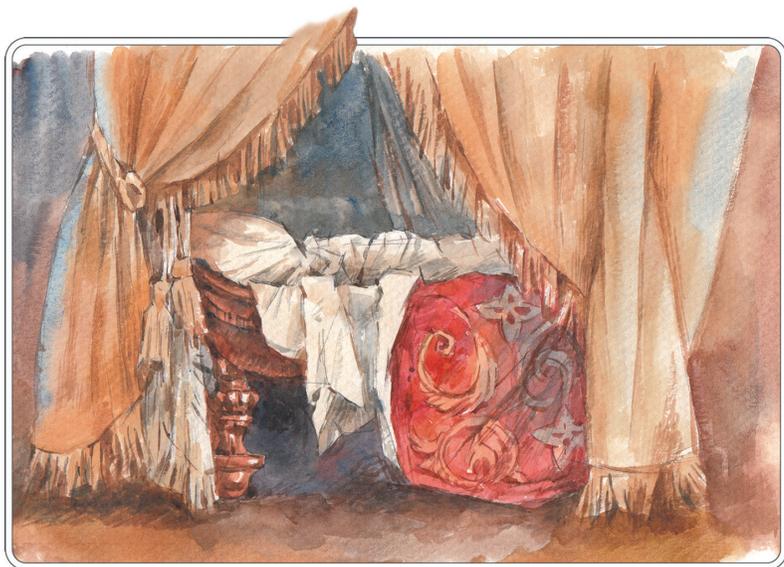

Эту повесть я расскажу вам в том виде, в каком я слышал ее от одного человека, слышавшего ее от своего отца, который слышал ее от *своего* отца, а тот от *своего* и так дальше. Триста лет, а быть может, и более, отцы передавали ее сыновьям, и таким образом она была сохранена для потомства. Возможно, что это исторический факт, но возможно — предание, легенда. Пожалуй, все это было, а пожалуй, и не было, но все же *могло бы* быть. Возможно, что в старое время в эту историю верили мудрецы и ученые, но возможно и то, что только простые, неученые люди верили в нее и любили ее.

ГЛАВА I

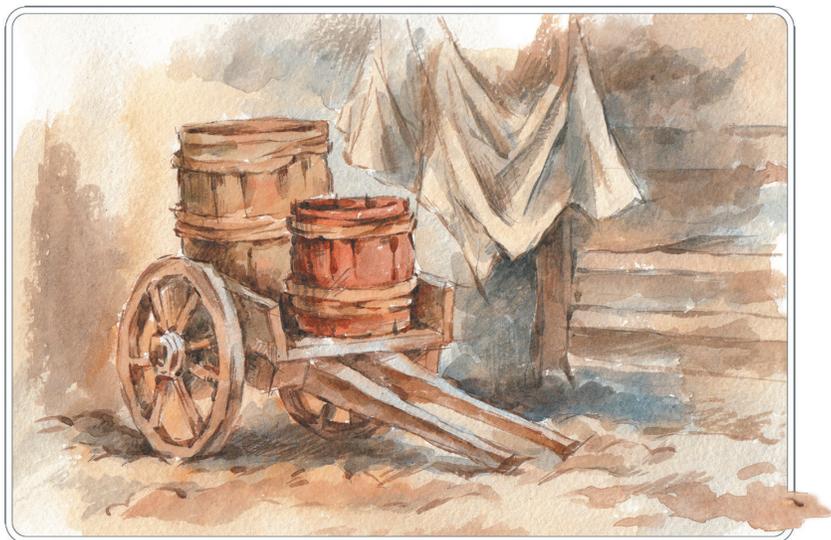
Рождение принца и рождение нищего

О, в милосердии двойная благодать:
Блажен и тот, кто милует, и тот,
Кого он милует. Всего сильнее
Оно в руках у сильных; королям
Оно пристало больше, чем корона.

*Шекспир.
Венецианский купец*

Это было в конце второй четверти шестнадцатого столетия.

В один осенний день в древнем городе Лондоне в бедной семье Кенти родился мальчик, который был ей совсем не нужен. В тот же день в богатой семье Тюдоров родился другой английский ребенок, который был нужен не только ей, но и всей Англии. Англия так давно мечтала о нем, ждала его и молила Бога о нем, что, когда он и в самом деле появился на свет, англичане чуть с ума не сошли от радости. Люди, едва знакомые между собою, встречаясь в тот день, обнимались, целовались и плакали. Никто не работал, все праздновали — пировали, плясали, пели, угощались вином, и такая гульба продолжалась несколько дней и ночей. Днем Лондон представлял собою очень красивое зрелище: на каждом балконе, на каждой крыше развевались яркие флаги, по улицам шествовали пышные процессии. Ночью тоже было на что посмотреть: на всех перекрестках пылали большие костры, а вокруг костров веселились целые полчища гуляк. Во всей Англии только и разговоров было что о новорожденном Эдуарде Тюдоре, принце Уэльском, а тот лежал, завернутый в шелка и атласы, не подозревая обо всей этой кутерьме и не зная, что с ним нянчатся знатные лорды и леди, — ему это было безразлично. Но нигде не слышно было толков о другом ребенке, Томе Кенти, запеленатом в жалкие тряпки. Говорили о нем только в той нищенской, убогой семье, которой его появление на свет сулило так много хлопот.

ГЛАВА II

Действо Тома

Перешагнем через несколько лет.

Лондон существовал уже пятнадцать веков и был большим городом по тем временам. В нем насчитывалось сто тысяч жителей, иные полагают — вдвое больше. Улицы были узкие, кривые и грязные, особенно в той части города, где жил Том Кенти, — недалеко от Лондонского моста. Дома были деревянные; второй этаж выдавался над первым, третий выставлял свои локти далеко над вторым. Чем выше росли дома, тем шире они становились. Остовы у них были из крепких,

положенных крест-накрест балок; промежутки между балками заполнялись прочным материалом и сверху покрывались штукатуркой. Балки были выкрашены красной, синей или черной краской, смотря по вкусу владельца, и это придавало домам очень живописный вид. Окна были маленькие, с мелкими ромбами стекол и открывались наружу на петлях, как двери.

Дом, где жил отец Тома, стоял в вонючем тупике за Обжорным рядом. Тупик назывался Двор Отбросов. Дом был маленький, ветхий, шаткий, доверху набитый беднотой. Семья Кенти занимала каморку на третьем этаже. У отца с матерью существовало некоторое подобие кровати, но Том, его бабка и обе его сестры, Бэт и Нэн, не знали такого неудобства: им принадлежал весь пол, и они могли спать, где им вздумается. К их услугам были обрывки двух-трех старых одеял и несколько охапок грязной, обветшалой соломы, но это вряд ли можно было назвать постелью, потому что по утрам все это сваливалось в кучу, из которой к ночи каждый выбирал, что хотел.

Бэт и Нэн были пятнадцатилетние девчонки-близнецы, добродушные замарашки, одетые в лохмотья, и глубоко невежественные. Мать мало чем отличалась от них. Но отец с бабкой были сущие дьяволы: они напивались где только могли и тогда воевали друг с другом или с кем попало, кто только под руку подвернется. Они ругались и сквернословили на каждом шагу и в пьяном, и в трезвом виде. Джон Кенти был вор, а его мать — нищенка. Они научили детей просить милостыню, но сделать их ворами не могли.

Среди нищих и воров, наполнявших дом, жил один человек, который не принадлежал к их числу. То был добрый старик священник, выброшенный королем на

улицу с ничтожной пенсией в несколько медных монет. Он часто вводил детей к себе и тайком от родителей внушал им любовь к добру. Он научил Тома читать и писать, от него Том приобрел и некоторые познания в латинском языке. Старик хотел научить грамоте и девочек, но девочки боялись подруг, которые стали бы смеяться над их неуместной ученостью.

Весь Двор Отбросов представлял собою такое же осиное гнездо, как и тот дом, где жил Кенти. Попойки, ссоры и драки были здесь в порядке вещей. Они происходили каждую ночь и длились чуть не до утра. Пробитые головы были здесь таким же заурядным явлением, как голод. И все же маленький Том не чувствовал себя несчастным. Иной раз ему приходилось очень туго, но он не придавал своим бедствиям большого значения: так жилось всем мальчишкам во Дворе Отбросов; поэтому он полагал, что иначе и быть не должно. Он знал, что вечером, когда он вернется домой с пустыми руками, отец изругает его и прибьет, да и бабка не даст ему спуска, а поздней ночью подкрадется вечно голодная мать и потихоньку сунет ему черствую корку или какие-нибудь объедки, которые она могла бы съесть сама, но сберегла для него, хотя уже не раз попадалась во время этих предательских действий и получала в награду тяжелые побои от мужа.

Нет, Тому жилось не так уж плохо, особенно в летнее время. Он просил милостыню не слишком усердно — лишь бы только избавиться от отцовских побоев, — потому что законы против нищенства были суровы и попрошайек наказывали очень жестоко. Немало часов проводил он со священником Эндрью, слушая его дивные старинные легенды и сказки

о великанах и карликах, о волшебниках и феях, о заколдованных замках, великолепных королях и принцах. Воображение мальчика было полно всеми этими чудесами, и не раз ночью, в темноте, лежа на тощей подстилке из колкой соломы, усталый, голодный, избитый, он давал волю мечтам и скоро забывал и обиды, и боль, рисуя себе сладостные картины восхитительной жизни какого-нибудь изнеженного принца в королевском дворце. День и ночь его преследовало одно желание: увидеть своими глазами настоящего принца. Раз он высказал это желание товарищам по Двору Отбросов, но те подняли его на смех и так безжалостно издевались над ним, что он решил впредь не делиться своими мечтами ни с кем.

Ему часто случалось читать у священника старые книги. По просьбе мальчика священник объяснял ему их смысл, а порою дополнял своими рассказами. Мечтания и книги оставили след в душе Тома. Герои его фантазий были так изящны и нарядны, что он стал тяготиться своими лохмотьями, своей неопрятностью, и ему захотелось быть чистым и лучше одетым. Правда, он и теперь зачастую возился в грязи с таким же удовольствием, как прежде, но в Темзе стал он плескаться не только для забавы: теперь ему нравилось также и то, что вода смывает с него грязь.

У Тома всегда находилось на что поглазеть возле майского шеста¹ в Чипсайде или на ярмарках. Кроме того, время от времени ему, как и всем лондонцам, удавалось полюбоваться военным парадом, когда какую-нибудь несчастную знаменитость везли в тюрьму

¹ Майский шест — высокая мачта, украшенная цветами и флагами; вокруг нее происходили майские гулянья.

Тауэра¹ сухим путем или в лодке. В один летний день ему пришлось видеть, как сожгли на костре в Смитфилде бедную Энн Эскью², а с нею еще трех человек; он слышал, как некий бывший епископ читал им длинную проповедь, которая, впрочем, очень мало заинтересовала его. Да, в общем, жизнь Тома была довольно-таки разнообразна и приятна.

Понемногу чтение книг и мечты о жизни королей так сильно подействовали на него, что он, сам того не замечая, стал разыгрывать из себя принца, к восхищению и потехе своих уличных товарищей. Его речь и повадки стали церемонными и величественными. Его влияние во Дворе Отбросов с каждым днем возрастало, и постепенно сверстники привыкли относиться к нему с восторженным почтением, как к высшему существу. Им казалось, что он так много знает, что он способен к таким дивным речам и делам! И сам он был такой умный, ученый! О каждом замечании и о каждом поступке Тома дети рассказывали старшим, так что вскоре и старшие заговорили о Томе Кенти и стали смотреть на него как на чрезвычайно одаренного, необыкновенного мальчика. Взрослые в затруднительных случаях стали обращаться к нему за советом и часто дивились остроумию и мудрости его приговоров. Он стал героем для всех, кто знал его, — только родные не видели в нем ничего замечательного.

¹ Тауэр — лондонская крепость, служившая темницей для лордов, герцогов и королей.

² Энн Эскью (1521–1546) — протестантка; из-за религиозных разногласий с господствующей католической церковью была подвергнута пыткам и сожжена в Смитфилде.

Прошло немного времени, и Том завел себе настоящий королевский двор! Он был принцем; его ближайшие товарищи были телохранителями, камергерами, шталмейстерами, придворными лордами, статс-дамами и членами королевской фамилии. Каждый день самозваного принца встречали по церемониалу, вычитанному Томом из старинных романов; каждый день великие дела его мнимой державы обсуждались на королевском совете; каждый день его высочество мнимый принц издавал приказы воображаемым армиям, флотам и заморским владениям.

Потом он в тех же лохмотьях шел просить милостыню, выпрашивал несколько фартигов¹, глодал черствую корку, получал обычную долю побоев и ругани и, растянувшись на охапке вонючей соломы, вновь предавался мечтам о своем воображаемом величии. А желание увидеть хоть раз настоящего живого принца росло в нем с каждым днем, с каждой неделей и в конце концов заслонило все другие желания и стало его единственной страстью.

В один январский день он, как всегда, вышел в поход за милостыней. Несколько часов подряд, босой, продрогший, уныло слонялся он вокруг Менсинг-Лэйн и Литтл-ист-Чип, заглядывая в окна харчевен и глотая слюнки при виде ужаснейших свиных паштетов и других смертоубийственных изобретений, выставленных в окне: для него это были райские лакомства, достойные ангелов, по крайней мере, судя по запаху, — отведывать их ему никогда не случалось. Моросил мелкий холодный дождь; день был тоскливый и хмурый. Под вечер Том пришел домой такой измокший,

¹ Фартинг — мелкая монета, меньше копейки.

утомленный, голодный, что даже отец с бабкой как будто пожалели его — конечно, на свой лад: наскоро угостили его тумачами и отправили спать. Долго боль и голод, а также ругань и потасовки соседей не давали ему уснуть, но наконец мысли его унеслись в дальние чудесные страны, и он уснул среди принцев, с ног до головы усыпанных золотом и драгоценными камнями. Принцы жили в огромных дворцах, где слуги благоговейно склонялись перед ними или летели выполнять их приказания. А затем, как водится, ему приснилось, что он и сам — принц. Всю ночь он упивался своим королевским величием; всю ночь окружали его знатные леди и лорды; в сиянии яркого света он шествовал среди них, вдыхая чудесные ароматы, восхищаясь сладостной музыкой и отвечая на почтительные поклоны расступавшейся перед ним толпы то улыбкой, то царственным кивком.

А утром, когда он проснулся и увидел окружающую его нищету, все вокруг — как всегда после подобного сна — показалось ему в тысячу раз непригляднее. Сердце его горестно заныло, и он залился слезами.

ГЛАВА III

Встреча Тома с принцем

Том встал голодный и голодный поплелся из дому, но все его мысли были поглощены призрачным великолепием его ночных сновидений. Он рассеянно брел по улицам, почти не замечая, куда идет и что происходит вокруг. Иные толкали его, иные ругали, но он был погружен в свои мечты, ничего не видел, не слышал. Наконец он очутился у ворот Темпл-Бара. Дальше в эту сторону он никогда не заходил. Он остановился и с минуту раздумывал, куда он попал, потом мечты снова захватили его, и он

очутился за городскими стенами. В то время Стренд уже не был проселочной дорогой и даже считал себя улицей — но вряд ли он имел право на это, потому что, хотя по одну сторону Стренда тянулся почти сплошной ряд домов, дома на другой стороне были разбросаны далеко друг от друга — великолепные замки богатейших дворян, окруженные роскошными садами, спускавшимися к реке. В наше время на месте этих садов теснятся целые мили угрюмых строений из камня и кирпича.

Том добрался до деревни Черинг и присел отдохнуть у подножия красивого креста, воздвигнутого в давние дни одним овдовевшим королем, оплакивавшим безвременную кончину супруги; потом опять неторопливо побрел по прекрасной пустынной дороге, миновал роскошный дворец кардинала и направился к другому, еще более роскошному и величественному дворцу — Вестминстерскому. Пораженный и счастливый, глядел он на громадное здание с широко раскинувшимися крыльями, на грозные бастионы и башни, на массивные каменные ворота с золочеными решетками, на колоссальных гранитных львов и другие эмблемы английской королевской власти. Неужели настало время, когда его заветное желание сбудется? Ведь это королевский дворец. Разве не может случиться, что небеса окажутся благосклонны к Тому и он увидит принца — настоящего принца, из плоти и крови?

По обеим сторонам золоченых ворот стояли две живые статуи — стройные и неподвижные воины, закованные с ног до головы в блестящие стальные латы. На почтительном расстоянии от дворца виднелись группы крестьян и городских жителей, чающих хоть

одним глазком увидеть кого-нибудь из королевской семьи. Нарядные экипажи с нарядными господами и такими же нарядными слугами на запятках въезжали и выезжали из многих великолепных ворот дворцовой ограды.

Бедный маленький Том в жалких лохмотьях приблизился к ограде и медленно, несмело прошел мимо часовых; сердце его сильно стучало, в душе пробудилась надежда. И вдруг он увидел сквозь золотую решетку такое зрелище, что чуть не вскрикнул от радости. За оградой стоял миловидный мальчик, смуглый и загорелый от игр и гимнастических упражнений на воздухе, разодетый в шелка и атлас, сверкающий драгоценными камнями; на боку у него висели маленькая шпага, усыпанная самоцветами, и кинжал; на ногах были высокие изящные сапожки с красными каблучками, а на голове прелестная алая шапочка с ниспадающими на плечи перьями, скрепленными крупным драгоценным камнем. Поблизости стояло несколько пышно разодетых господ — без сомнения, его слуги. О, это, конечно, принц! Настоящий, живой принц! Тут не могло быть и тени сомнения. Наконец-то была услышана молитва мальчишки-нищего!

Том стал дышать часто-часто, глаза его широко раскрылись от удивления и радости. В эту минуту все его существо было охвачено одним желанием, заслонившим собою все другие: подойти ближе к принцу и всласть наглядеться на него. Не сознавая, что делает, он прижался к решетке ворот. Но в тот же миг один из солдат грубо оттащил его прочь и швырнул в толпу деревенских зевак и столичных бездельников с такой силой, что мальчик завертелся вьюном.

— Знай свое место, бродяга! — сказал солдат.

Толпа загоготала, но маленький принц подскочил к воротам с пылающим лицом и крикнул, гневно сверкая глазами:

— Как смеешь ты обижать этого бедного отрока? Как смеешь ты так грубо обращаться даже с самым последним из подданных моего отца-короля? Отвори ворота, и пусть он войдет!

Посмотрели бы вы, как склонилась перед ним изменчивая, ветренная толпа, как обнажились все головы! Послушали бы, как радостно толпа закричала: «Да здравствует принц Уэльский!»

Солдаты отдали честь алебардами, отворили ворота и снова отдали честь, когда мимо них прошел принц Нищеты в развевающихся лохмотьях и поздоровался за руку с принцем Несметных Богатств.

— Ты кажешься голодным и усталым, — произнес Эдуард Тюдор. — Тебя обидели. Следуй за мной.

С полдюжины придворных лакеев бросились вперед — уж не знаю зачем: вероятно, они хотели вмешаться. Но принц отстранил их истинно королевским движением руки, и они мгновенно застыли на месте, как статуи. Эдуард ввел Тома в роскошно убранную комнату во дворце, которую он называл своим кабинетом. По его приказу были принесены такие яства, каких Том в жизни своей не видывал, только читал о них в книгах. С деликатностью и любезностью, подобающими принцу, Эдуард отослал слуг, чтобы они не смущали нищего гостя своими презрительными взорами, а сам сел рядом и, покуда Том ел, задавал ему вопросы.

— Как тебя зовут, отрок?

— Том Кенти¹, с вашего позволения, сэръ.

¹ Кенти (canty) — бойкий, веселый, живой (англ.).

- Странное имя. Где ты живешь?
- В Лондоне, осмелюсь доложить вашей милости. Двор Отбросов за Обжорным рядом.
- Двор Отбросов! Еще одно странное имя!.. Есть у тебя родители?
- Родители у меня есть. Есть и бабушка, которую я не слишком люблю — да простит меня Господь, если это грешно!.. И еще у меня есть две сестры — близнецы — Нэн и Бэт.
- Должно быть, твоя бабушка не очень добра к тебе?
- Она ни к кому не добра, смею доложить вашей светлости. В сердце у нее нет доброты, и все свои дни она творит только зло.
- Обижает она тебя?
- Лишь тогда она не колотит меня, когда спит или затуманит свой разум вином. Но как только в голове у нее проясняется, она бьет меня вдвое сильнее. Глаза маленького принца сверкнули гневом.
- Как? Бьет? — вскрикнул он.
- О да, смею доложить вашей милости!
- Бьет! Тебя, такого слабосильного, маленького! Слушай! Прежде чем наступит ночь, ее свяжут и бросят в Тауэр. Король, мой отец...
- Вы забываете, сэра, что она низкого звания. Тауэр — темница для знатных.
- Правда! Это не пришло мне в голову. Но я подумаю, как наказать ее. А отец твой добр к тебе?
- Не добрее моей бабушки Кенти, сэра.
- Отцы, кажется, все одинаковы. И у моего нрав не кроткий. Рука у него тяжелая, но меня он не трогает. Хотя на брань он, по правде сказать, не скупится. А как обходится с тобою твоя мать?

— Она добра, сэ, и никогда не причиняет мне ни огорчений, ни боли. И Нэн и Бэт так же добры, как она.

— Сколько им лет?

— Пятнадцать, с вашего позволения, сэ.

— Леди Елизавете, моей сестре, четырнадцать. Леди Джейн Грэй, моя двоюродная сестра, мне ровесница; они обе милостивы и приветливы, но моя другая сестра, леди Мэри, у которой такое мрачное, хмурое лицо... Скажи, твои сестры запрещают служанкам смеяться, дабы те не запятали свою душу грехом?

— Мои сестры? Вы полагаете, сэ, что у них есть служанки?

Минуту маленький принц смотрел на маленького нищего с важной задумчивостью, потом произнес:

— Как же, скажи на милость, могут они обойтись без служанок? Кто помогаем им снимать на ночь одежду? Кто одевает их, когда они встают поутру?

— Никто, сэ. Вы хотите, чтобы на ночь они раздевались и спали без одежды, как звери?

— Без одежды? Разве у них по одному только платью?

— Ах, ваша милость, да на что же им больше? Ведь не два же у них тела у каждой.

— Какая странная, причудливая мысль! Прости мне этот смех; я не думал обидеть тебя. У твоих добрых сестер Нэн и Бэт будет платьев и слуг достаточно, и очень скоро: об этом позаботится мой казначей. Нет, не благодари меня, это пустое. Ты хорошо говоришь, легко и красиво. Ты обучен наукам?

— Не знаю, как сказать, сэ. Добрый священник Эндрю из милости обучал меня по своим книгам.

— Ты знаешь латынь?

— Боюсь, что знания мои скудны, сэра.

— Выучись, милый, — это нелегко лишь на первых порах. Греческий труднее, но, кажется, ни латинский, ни греческий, ни другие языки не трудны леди Елизавете, моей кузине. Послушал бы ты, как эти юные дамы говорят на чужих языках! Но Расскажи мне о твоём Дворе Отбросов. Весело тебе там живётся?

— Поистине весело, с вашего разрешения, сэра, если, конечно, я сыт. Нам показывают Панча и Джуди¹, а также обезьянок. О, какие это потешные твари! У них такая пестрая одежда! Кроме того, нам дают представления: актёры играют, кричат, дерутся, а потом убивают друг друга и падают мертвыми. Так занятно смотреть, и стоит всего лишь фартинг; только иной раз очень уж трудно добыть этот фартинг, смею доложить вашей милости.

— Рассказывай ещё!

— Мы, мальчики во Дворе Отбросов, иногда сражаемся между собою на палках, как подмастерья.

У принца сверкнули глаза.

— Ого! Это и я бы не прочь. Рассказывай ещё!

— Мы бегаем взапуски, сэра, кто кого перегонит.

— Мне пришлось бы по вкусу и это! Дальше!

— Летом, сэра, мы купаемся и плаваем в каналах, в реке, брызгаем друг в друга водой, хватаем друг друга за шею и заставляем нырять, и кричим, и прыгаем, и...

— Я отдал бы все королевство моего отца, чтобы хоть однажды позабавиться так. Пожалуйста, рассказывай ещё!

¹ Панч и Джуди — персонажи английского народного кукольного театра, вроде нашего Петрушки.

— Мы поем и пляшем вокруг майского шеста в Чипсайде; мы зарываем друг друга в песок; мы делаем из грязи пироги. О, это прекрасная грязь! В целом мире ничто не доставляет нам больше приятности. Мы прямо-таки валяемся в грязи, не в обиду будь вам сказано, сэр!

— Ни слова больше, прошу тебя! Это чудесно! Если бы я только мог облачиться в одежду, которая подобна твоей, пойти босиком, всласть поваляться в грязи хоть один-единственный раз, но чтобы меня никто не бранил и не сдерживал, — я, кажется, с радостью отдал бы корону.

— А я, если бы я хоть раз мог одеться так, как вы, ваша светлость, только один-единственный раз.

— О, вот чего тебе хочется? Что ж, будь по-твоему! Снимай лохмотья и надевай этот роскошный наряд. У нас будет недолгое счастье, но от этого оно не станет менее радостным! Позабавимся, покуда возможно, а потом опять переоденемся, прежде чем придут и помешают.

Не прошло и пяти минут, как маленький принц Уэльский облачился в тряпье Тома, а маленький принц Нищеты — в великолепное цветное королевское платье. Оба подошли к большому зеркалу, и — о чудо! — им показалось, что они вовсе не менялись одеждой! Они уставились друг на друга, потом поглядели в зеркало, потом опять друг на друга. Наконец удивленный принц сказал:

— Что ты об этом думаешь?

— Ах, ваша милость, не требуйте, чтобы я ответил на этот вопрос. В моем звании не подобает говорить о таких вещах.

— Тогда скажу об этом я. У тебя такие же волосы, такие же глаза, такой же голос, такая же поступь,

такой же рост, такая же осанка, такое же лицо, как у меня. Если бы мы вышли нагишом, никто не мог бы сказать, кто из нас ты, а кто принц Уэльский. Теперь, когда на мне твоя одежда, мне кажется, я живее чувствую, что испытывал ты, когда грубый солдат... Послушай, откуда у тебя этот синяк на руке?

— Пустяки, государь! Ваша светлость знает, что тот злополучный часовой...

— Молчи! Он поступил постыдно и жестоко! — воскликнул маленький принц, топнув босой ногой. — Если король... Не двигайся с места, пока я не вернусь! Таково мое приказание!

В один миг он схватил и спрятал какой-то предмет государственной важности, лежавший на столе, и, выскочив за дверь, помчался в жалких лохмотьях по дворцовым покоем. Лицо у него разгорелось, глаза сверкали. Добежав до больших ворот, он вцепился в железные прутья и, дергая их, закричал:

— Открой! Открой ворота!

Солдат, тот самый, что обидел Тома, немедленно исполнил это требование; как только принц, задыхаясь от монаршего гнева, выбежал из высоких ворот, солдат наградил его такой звонкой затрещиной, что он кубарем полетел на дорогу.

— Вот тебе, нищенское отродье, за то, что мне из-за тебя досталось от его высочества! — сказал солдат.

Толпа заревела, захохотала. Принц выкарабкался из грязи и гневно подскочил к часовому, крича:

— Я принц Уэльский! Моя особа священна, и тебя повесят за то, что ты осмелился ко мне прикоснуться!

Солдат отдал ему честь алебардой и, ухмыляясь, сказал: